

УДК 821.161.1-94(477.75)ОСТРОВСКИЙ

КРЫМСКИЙ ТЕКСТ А. Н. ОСТРОВСКОГО: ПО ДНЕВНИКУ ПИСАТЕЛЯ

Орехова Л. А.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

Объектом исследования стал крымский дневник А. Н. Островского, конспективный и чрезвычайно короткий для проведённого в Крыму времени (8–30 июля 1860 г.). В статье уточняется датировка крымских экскурсий А. Н. Островского, аргументируется логика выбора маршрутов; на основании историко-краеведческих материалов, а также документов Государственного архива в АРК предлагается реальный комментарий к дневнику, восполняющий авторские купюры и открывающий перспективы эмоционально-событийного «развёртывания» крымского дневникового текста А. Н. Островского.

Ключевые слова: крымский текст, дневник А. Н. Островского, маршруты, датировка, комментарии.

Постановка проблемы. В сентябре 2006 г. Пушкинским Домом (ИРЛИ РАН), Сорбонной и Филологическим факультетом Санкт-Петербургского университета была проведена конференция «Крымский текст в русской культуре», высветившая огромный потенциал темы. По итогам докладов сделано заключение, что литературные тексты «способны закреплять за различными точками географического пространства определённую <...> репутацию»: происходит «смысловое насыщение пространства», «география становится своего рода *книгой*, в которую вписываются всё новые и новые *страницы*» [4, с. 5].

В середине XIX в. «репутация» Крыма ассоциировалась с курортом, уникальными природными достопримечательностями, богатейшей многонациональной историей, южнобережными дворцовыми комплексами. Соответственно составлялись маршруты путешествий, которые так или иначе характеризовали и интересы, и возможности путешественника, а путевые записки всегда несли (и несут) бесценную культурологическую, историко-краеведческую информацию, «вписывающуюся» в *книгу* крымского текста. В настоящей статье предпринят анализ крымских путевых заметок А. Н. Островского с целью исторического и географического комментирования записей, что, как увидим, приведёт к уточнениям датировки событий из жизни драматурга в период с 7 по 30 июля 1860 г. В ходе работы решаются следующие задачи: 1. Филологический, географический и историко-краеведческий комментарий текста крымских записок А. Н. Островского. 2. Уточнение датировки дневниковых записей и поездок. 3. Корректирование крымской «маршрутной карты» А. Н. Островского.

Крымский дневник А. Н. Островского, впервые опубликованный Т. И. Орнатской [9] и включённый в Собрание сочинений [10], остаётся единственным источником информации об обстоятельствах поездки и маршрутах драматурга по Крыму. Сложность комментирования крымских записей связана не только с их предельной краткостью (по сути, это лишь «ключевые слова» для будущего припоминания), но и с тем, что текст дневника известен *по копии* (П. О. Морозова). Особенность крымских дневниковых записей состоит и в том, что практически всюду Островский указывает не даты, а только дни недели. Некоторые из недостающих

дат восполнены Т. И. Орнатской по контекстовым сведениям, и все же, как проблематичные, они помещены исследователем в угловые скобки.

В своём комментарии мы расширяем, насколько позволяют рамки статьи, информативный ряд о крымских реалиях, упомянутых в дневнике, вносим отдельные поправки, связанные с ошибками в расшифровке рукописи, а также предлагаем уточнения к датировке крымских экскурсий. Начнём с датировки.

Известно, что летом 1860 г. А. Н. Островский и актёр Александринского театра А. Е. Мартынов совершили совместную поездку в Одессу, а затем в Крым. А. Е. Мартынов, тяжело больной туберкулёзом, в Одессе ещё гастролировал, в Крыму надеялся отдохнуть и подлечиться, но слабел все более. (Он умер на пути домой, в Харькове, 16 августа 1860 г.)

Первая полная дата (с указанием числа и дня недели) – «18 мая, среда» – названа А. Н. Островским в самом начале путешествия: «Станция за Серпуховым на всем протяжении живописна и типична» [10, т. 10, с. 374]. Простое сопряжение дней недели и чисел в июне и июле убеждает, что и вторая в дневнике «полная» дата – «Суббота 30 июля» (отъезд из Ялты в Одессу на корабле «Император Александр II») – является точной. Поэтому «обратный» отсчёт времени (от субботы 30 июля) поможет выверить датированную схему маршрутов Островского по Крыму. Устанавливаемые нами даты выделим в статье курсивом.

Отбытием из Одессы начинается, так сказать, «крымская часть» путешествия, и первая «крымская» запись в дневнике датирована Т. И. Орнатской <7 июля>. Это правильно – но только в том случае, если предположить, что *начата* запись *на пароходе из Одессы 7 июля*, а *закончена* в Севастополе вечером *8 июля*. Дело в том, что в записи – события двух дней путешествия: отъезд из Одессы и проведённая на корабле ночь («Жар. Пыль. Проводы. Страх качки. Ночь. Утро. Цвет моря»), прибытие в Евпаторию и прогулка по городу («Евпатория. Мечеть. Пристань. Татары. Мечеть. Синагога. Виноград. Улицы. Балконы. Двери. Цирюльня. Базар. Трактир. Отъезд»), продолжение поездки на том же корабле из Евпатории в Севастополь (а точнее сказать, упоминание о видах Крыма с корабля: «Чатырдаг. Крымские горы»), наконец, приезд в переживший недавнюю войну Севастополь («Севастопольская бухта. Константинопольское укрепление. Херсонский маяк. Севастополь. Суда. Развалины. Дорога на Малахов курган. Курган» [10, т. 10, с. 375]).

Сразу исправим ошибку в расшифровке дневниковой рукописи: следует читать не *Константинопольское*, а *Константиновское* укрепление (иначе – Константиновская батарея, Константиновский форт), названное так потому, что построено на Константиновском мысе у входа в Севастопольскую бухту. Строилась Константиновская батарея в 1836–1840 гг. при адмирале М. П. Лазареве; представляет собой двухъярусный 94-пушечный рavelин, правым флангом обращённый к морю, левым – к рейду; общая длина батареи 188 м, высота – 10, толщина стен – около 2 м.

Вернёмся к датировке путешествия. Дата *7 июля (четверг)* «проверяется» и расписанием пароходного сообщения между Одессой и Крымом. Пароход выходил из Одессы раз в неделю по четвергам в 3 часа пополудни и прибывал в Евпаторию по пятницам в 9 часов утра. В полдень той же пятницы пароход продолжал путь на Севастополь; прибывал сюда к вечеру, в 4 ч. 30 мин. Из Севастополя в Ялту этот же

пароход уходил на следующий день, в субботу в 7 часов утра и в два часа дня подходил к Ялте. В субботу же вечером (в 8 часов) пароход уходил от Ялты дальше на северо-восток – к Феодосии и Керчи [6, с. 218–219]. Т. о., начало путешествия по Крыму складывалось так: Островский и Мартынов выехали из Одессы по расписанию – в *четверг 7 июля (в 3 часа пополудни)*, прибыли в Евпаторию утром *8 июля* (в пятницу), несколько часов провели в городе, в полдень уехали по Каламитскому заливу в Севастополь. Впечатления от плавания по Каламитскому заливу, как уже я отметила, в дневнике не детализированы: упомянуты только дальние контуры Крымских гор и доминирующий над полуостровом Чатырдаг. В пятницу *8 июля* около пяти часов вечера были уже в Севастополе. До наступления темноты Островский успел добраться по разрушенному городу, где «положительно не осталось камня на камне», до Малахова кургана. Больному Мартынову это было не под силу. Позднее в письме к П. М. Садовскому и С. С. Кошеверову из Ялты (от 19 июля 1860 г.) Островский расскажет о походе на Малахов курган гораздо подробнее (причём напишет «я», а не «мы»): «Я осматривал бастионы, траншеи, был на Малаховом кургане, видел все поле битвы; моряк, капитан нашего парохода, ходил со мной и передавал мне все подробности, так что я видел перед собой всю эту бойню» [10, т. 11, с. 121].

В Севастополе Островский и Мартынов, полагаю, ночевали на пароходе и *9-го утром* (в субботу) выехали в Ялту, что выводим мы из записи без указания числа, но с пометой «Утро (суббота)»: «Георгиевский монастырь. Балаклава. Сарыч. Вот и качка. Лазарево воскресение» [10, т. 10, с. 376]. Заметим, что все обозначенные в записи объекты названы в той последовательности, как они расположены *по берегу* на юг от Севастополя, к Ялте. Это доказывает, что Островский и Мартынов видели Георгиевский монастырь (на мысе Фиолент), Балаклаву *с моря*, поездка к этим местам сухим путём от Севастополя потребовала бы много времени. Наконец, на *морской* путь указывает и упоминание о мысе Сарыч – самом южном крымском мысе (на полпути от Севастополя к Ялте). Эти доводы позволяют утверждать, что А. Н. Островский и А. Е. Мартынов прибыли в Ялту не 19 июля, как ранее [10, т. 10, с. 376] предполагалось (видимо, с опорой на дату уже цитированного нами письма А. Н. Островского П. М. Садовскому и С. С. Кошеверову из Ялты от 19 июля 1860 г.), а в субботу *9 июля* в 2 часа дня. Поправка принципиальная: установленная дата прибытия в Ялту – *суббота 9 июля* – упорядочивает, в соответствии с указанными в дневнике днями недели, все последующие даты пребывания Островского и Мартынова в Крыму, снимает очевидные противоречия в сроках, позволяет понять логику маршрутов-экскурсий А. Н. Островского. Продолжим анализ дневника – теперь с новой датировкой.

Прибыв в Ялту в середине дня *9 июля*, Островский и Мартынов обосновались на квартире: «Ялта. Переезд на шлюпке. Приключение с вещами. Вид Ялты. Татары. Цепь гор. Наша квартира. Море. Балкон» [10, т. 10, с. 376]. Ялта, хоть и переименовали её в 1838 г. из местечка в город (в «городе» всего 38 домов), по-настоящему застраиваться начала лишь во второй половине XIX в. Характерно, что до 1890-х годов в Ялте не было порта, пароходы становились на рейде в Ялтинской бухте, пассажиров подвозили к берегу шлюпками. Поэтому у Островского записано: «Ял-

та. Переезд на шлюпке», а «приключение с вещами» означает какую-то путаницу с багажом.

Сохранившиеся в Крымском государственном архиве документы Ялтинской градской полиции свидетельствуют, что к 1855 г. в Ялте насчитывалось 42 дома (41 каменный и 1 деревянный), было и несколько постоянных дворов и гостиниц. В частности, в 1859 г.: хлебный магазин, кофейня и постоянный двор поселянина деревни Дереккой Мемета Осман Оглу [1, ф. 675, оп. 1, ед. хр. 67, л. 25], гостиница в каменном доме 3 гильдии купца Антона Собеса, где, ко всему, «производилась продажа хлебного вина» [1, ф. 675, оп. 1, ед. хр. 67, л. 25; 1, ф. 675, оп. 1, ед. хр. 62, л. 7], гостиница в каменном доме 3 гильдии купца Николая Михайловича Беймана [1, ф. 675, оп. 1, ед. хр. 62, л. 5 об.], постоянный двор поселянина Ялтинского уезда деревни Дереккой Усейна Курт Амет Оглу, который, как значится в архивном документе, хозяйством «заведует сам» [1, ф. 675, оп. 1, ед. хр. 67, л. 25 об.], и, наконец, постоянный двор (с продажей кофе) поселянина той же деревни (т. е. Дереккой) Бекира Мустафы Оглу, который, по сведениям ялтинской полиции, в своём заведении тоже «торгует сам» [1, ф. 675, оп. 1, ед. хр. 67, л. 25 об., 118].

Где остановились Островский и Мартынов? Вряд ли выбрали гостиничный номер или квартиру в богатом доме. Вернее предположить постоянный двор, где цены доступнее, легко договориться о питании и доставке из деревни кумыса. В ялтинской записи Островский упомянул имя *Бекир*: «Татарин Бекир – кумысник. Его походка. Татарские лошади» [10, т. 10, с. 376]. Можно предположить, что Островский и Мартынов устроились на постоялом дворе *Бекира Мустафы Оглу*. Предположение зыбкое: в 1860–1861 гг. в Ялте проживали, по сведениям полиции, ещё два купца по имени *Бекир*: *Бекир* Ибрагим Оглу [1, ф. 675, оп. 1, ед. хр. 75, л. 9] и *Бекир* Али Оглу [1, ф. 675, оп. 1, ед. хр. 75, л. 10]. Островский, скорее всего, обратился с просьбой о кумысе для Мартынова к хозяину квартиры, вероятнее всего – к *Бекиру Мустафе Оглу из Дерекоя* (мы ещё вернёмся к этой ситуации).

Ялтинская квартира у Мартынова и Островского неплохая – с балконом и видом на море; здесь в воскресенье *10 июля* путешественники отдыхают после морских поездок и договариваются с *кумысником*. Но понедельник (*11 июля*) Островский посвятил экскурсии в Ливадию (в 3 км от Ялты), куда добирался, скорее всего, пешком, по холмистому побережью: «Ливадия. Дорога. Деревья. Рыбаки» [10, т. 10, с. 376]. Для Мартынова подобный переход в июльскую жару был невозможен; он, конечно, оставался в Ялте. Запись Островского о ливадийских впечатлениях лаконична; Ливадия не имела еще того архитектурно и исторически значимого дворца, которым прославилась позднее. Но здесь был ландшафтный парк (40 дес.) и дворец гр. Л. Потоцкого, владевшего этими землями в 1834–1860 г. В 1860 г. поместье Ливадия стало собственностью императрицы, дом Л. Потоцкого начали перестраивать в Большой дворец для царской семьи.

Во вторник, *12 июля*, А. Н. Островский совершил экскурсию (возможно, тоже пешую) в императорскую Ореанду (южнее Ливадии). Вечером для памяти записал в дневнике: «Ореанда. Виноградная аллея. Ротонда. Скала с крестом. Сад. Водопад. Пещера. Дворец» [10, т. 10, с. 376]. Действительно, в скалах над морем была проложена тропа, выведившая к изящной видовой беседке-полуротонде, которую, впро-

чем, называют ротондой (построена в 1843 г.). Правее беседки отвесная скала – Крестовая: на ней, по велению императрицы, установлен большой крест. Привлекают внимание ещё две скалы-отторженца, оторвавшиеся от горного хребта. Под одной из них (Мачтовой) – большой грот (похоже, Островский принял его за пещеру). Упомянутый Островским водопад, по мнению современника, занимал «первое место» среди достопримечательностей Ореанды: «Вода его, заключённая между двумя скалами и осенённая непроницаемою тенью дубов и орешника, с ужасным шумом ниспадает со скалы» [8, с. 27].

Для Островского эти экскурсии были однодневными, с возвращением к ночи в Ялту. Запись среды (13 июля) свидетельствует, что весь день Островский провёл с больным Мартыновым: «Таврида обманула ожидания. Опять надежда» [10, т. 10, с. 376]. Не решился Островский выехать из Ялты и 14 июля (в четверг), и лишь запись пятницы (15 июля) сообщает о прогулке в *Дарикиой*: «Дорога – речка, мечеть, кладбище. Девочки. Дом. Виноградные сады. Орехи» [10, т. 10, с. 376]. Укажем на ошибку копииста в расшифровке рукописи дневника: следует читать не *Дарикиой*, а *Дерекой* – это деревня в 1,5 верстах от Ялты на речке Дерекойке. В Дерекой Островский вполне мог пойти вместе с «кумысником Бекиром» – возможно, хозяином постоянного двора *Бекиром Мустафой Оглу*, «поселянином деревни Дерекой» (как значится по архивным документам): есть ли иной мотив и случай прогуляться в ничем не примечательную деревню?

В субботу и воскресенье (16 и 17 июля) Островский оставался с Мартыновым, купался в море («Купанье. Вода. Камни»), но в понедельник 18 июля отправляется в Алупку. Экскурсия укладывалась в один день и обещала много впечатлений. Алупкинский дворец графа М. С. Воронцова (сооружался по проекту английского архитектора Э. Блора в 1828–1848 гг.) совместил архитектурные стили различных эпох и направлений. Над южным фасадом – монументальный портал с полукруглым сводом и тонкими колоннами; отсюда нисходит в Нижний парк (к морю) широкая белая лестница, на выступах которой установлены три пары белых мраморных львов (Львиная терраса, упомянутая в дневнике Островского). Дворец окружён парком (почти 40 га) с фонтанами, гротами, искусственными водопадами и озёрами. Понедельник 18 июля так описан в дневнике драматурга: «Алупка – дом – двор – плюц – терраса. Сад. Церковь. Священник о. Никандр. Рассказ о Синопе, о Севастополе, о недостатках. Мечеть. Муэдзин. Татары. Верхний сад. Деревья – каштаны, платаны, олеандры, лавры, магнолии, кипарисы. Кизиль, айва. Никитский погреб. Езда по тропинкам» [10, т. 10, с. 376].

Сопоставляя приведённые дневниковые записи с историческими реалиями 1860 г., можем убедиться, что Островский последователен и точен в фиксировании фактов и событий. Так, фрагмент его алупkinsкой записи «*Мечеть. Муэдзин. Татары*» комментируется свидетельством современника: с видовой террасы дворца просматривались в роскошной зелени «обширная татарская деревня», а также «мечеть, построенная для татар князем Михаилом Семёновичем Воронцовым» [8, с. 30]. Кроме того, в записи упомянуты церковь и священник о. Никандр. Речь идёт о домово́й церкви Воронцовых (Архангело-Михайловской), построенной в 1841 г. «на возвышении, господствующем над всею почти Алупкою» [8, с. 30]. С 1859 г. храмом за-

ведовал герой Крымской войны флотский иеромонах Никандр, причетником был отставной матрос Виноградов. Что узнал Островский от иеромонаха «о Синопе, о Севастополе, о недостатках»? Крымскими историками восстановлена по документам необыкновенная биография отца Никандра. Родился 14 октября 1818 г. в мещанской семье, рукоположен в иеромонахи в 1849 г. в Святогорском монастыре (Святогорской Пустыни, Харьковской губ.). В канун Крымской войны (в апреле 1853 г.), как один «из самых благонадежных», направлен в Крым в Георгиевский монастырь «для служения по флоту» и вскоре назначен на корабль «Чесма» 2-ой практической эскадры под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова. После русской победы в Синопском сражении (18 ноября 1853 г.) отец Никандр, в числе 6 иеромонахов, был представлен к награде и с тех пор носил Синопский значок отличия. Когда в начале Крымской войны русские корабли были затоплены на подступах к Севастополю (чтобы преградить путь вражеским судам), экипаж затопленной «Чесмы» (а с матросами и отец Никандр) влился в городской гарнизон и занял позиции на 1 и 2 бастионах. Иеромонах Никандр был среди защитников Малахова кургана во время штурма 6 июня 1855 г., за что награждён орденом Св. Анны 3 степени. В 1856 г. награждён орденом Св. Анны 2 степени и бронзовой медалью на Георгиевской ленте [2, с. 7–10]. Островский увидел на груди священника воинские награды, и это побудило обратиться к нему с беседой.

Иеромонах Никандр умер 9 мая 1884 г. До последнего дня служил в алушкинской церкви и похоронен здесь в церковной ограде. В наши дни могила его найдена, хотя сам храм разрушился во время оползня в конце XIX в.; новая церковь построена неподалёку в безопасном месте [2, с. 10].

Впечатления от встречи с о. Никандром в Алушке 18 июля соединились с чувствами от увиденного 8 июля в Севастополе, и, думается, потому на следующий день (вторник, 19 июля 1860 г.) своё письмо из Ялты к П. М. Садовскому и С. С. Кошеверову Островский начинает рассказом о «несчастном Севастополе»: «Без слёз этого города видеть нельзя» [10, т. 11, с. 121].

19, 20 и 21 июля (вторник, среда и четверг) не отмечены в дневнике А. Н. Островского никакими заметками, возможно, потому, что прошли они в Ялте без существенных событий. Но, похоже, за это время Островский сумел подготовиться к новой экскурсии – в глубь полуострова, в Бахчисарай. Можно было ехать по югобережному шоссе до Севастополя, а оттуда – к Бахчисараю. Но, судя по записи с пометой «пятница» (22 июля), Островский предпочёл горный перевал через Ялтинскую яйлу: по хребту Йограф (Евграф) древней дорогой с затяжным спуском к с. Биюк-Узенбаш (ныне с. Счастливое). Этот путь по конной тропе требовал договорённости с проводником или местными попутчиками. Запись за 22 июля «охватывает» время от раннего утра (в Ялте) до поздней ночи (в Бахчисарае) и не оставляет сомнений относительно *горного* маршрута: «Въезд на гору. Постепенность. Сосны, кустарник. Вершина – вид на Ялту и море. Хребет. Чабаны. Съезд. Вид на горы. Долины. Татарский дом – светелка. Ущелье. Горы. Бахчисарай. Минареты. Дворец при луне» [10, т. 10, с. 376].

Несомненно, кто-то даёт Островскому советы по правильному распределению времени для осмотра окрестностей Бахчисарая. Наутро (в субботу 23 июля) он на-

правляется в сторону пещерного города-крепости Чуфут-кале (2 версты от Бахчисарая), проезжает заселённое цыганами предместье, представляющее собой «множество навесов и домишек, прислонённых к склонам скал» [5, с. 175]. Спустившись с Чуфут-кале, Островский спешит к обедне в Успенский монастырь (0,5 версты от Чуфут-кале по дороге в Бахчисарай). Это был древний пещерный монастырь, пришедший в запустение. Восстановление святых мест в Успенской скале началось при архиепископе Херсонском и Таврическом Иннокентии; 15 августа 1850 г. при большом стечении народа совершилось открытие Успенского скита, который тогда имел только пещерный храм и три пещерные кельи. Настоятелем Успенского монастыря в 1855–1864 гг. был архимандрит Николай [3, с. 16–22]; возможно, именно он служил обедню в субботу 23 июля 1860 г.

Возвратившись в Бахчисарай, Островский не только успел осмотреть легендарный Ханский дворец и кладбище у его стен, но и, как сказано в дневнике, купить на базаре несколько предметов местной экзотики. Это не отняло много времени: базар, а точнее, длинный торговый ряд, представлял собой главную бахчисарайскую улицу, выходящую к Ханскому дворцу. Ночь с субботы на воскресенье (с 23 на 24 июля) Островский провёл в Бахчисарае, перед сном сделал запись, по которой мы сейчас и воспроизвели события этого дня: «Поездка в Чуфут-Кале. У цыган. Въезд, общий вид. Равнин. Скифский погреб – могила. Каймак. Отъезд – музыка. Успенский монастырь, обедня. Дворец – сады – гарем – купальня. Базар – покупки: полотенца, туфли, четки. Могилы ханов при луне. Возвращение. Угощение – каймак, дыни...» [10, т. 10, с. 376–377].

По-видимому, этим днём и ограничивается пребывание Островского в Бахчисарае, и следующим утром (в воскресенье 24 июля) он отправился в обратную дорогу. Предположение наше связано с тем, что воскресенье, понедельник и вторник (24, 25 и 26 июля) в дневнике никак не отмечены; значит, с вычетом времени обратного пути из Бахчисарая, эти дни Островский провёл в Ялте с Мартыновым, отдыхая после поездки. А в среду (27 июля) он едет в Гурзуф и вечером записывает: «Поездка в Гурзуф. Гора, деревня, генуэзская крепость. Сад Фундуклея. Деревья – магнолии, олеандры» [10, т. 10, с. 377].

В Гурзуфе внимание путешественника привлекали не только живописная Генуэзская скала (наверное, её имел в виду Островский, когда написал «гора»), исторические руины, но и великолепно устроенное на 125 десятинах холмистой земли имение д. с. с. Фундуклея. Здесь было более 10 тыс. кустов винограда, оранжереи, сады, отличавшиеся, как писал современник Островского, «необыкновенною чистотою, художественным распоряжением, умною классификациею растений, особенно редких»: «Между редкими деревьями и растениями особенного внимания заслуживает превосходная магнолия, какой, быть может, не встретите в другом месте. Цветы на ней превосходят величиною обыкновенную чайную чашку и отличаются превосходным ароматом» [8, с. 30].

До отъезда из Крыма оставалось всего два дня, и в четверг утром (28 июля) Островский осуществляет последнюю южнобережную экскурсию – в Никитский ботанический сад (в 6 км от Ялты). Сад был создан под деревней Никита в 1812 г., к 1860 г. это уже великолепное собрание редкостных растений. Посещение сада дари-

ло отдохновение. Можно понять необычные для А. Н. Островского лирические (прощальные) интонации в заметке об этом дне: «Никитский сад. Дубы и клены – кедр – маслины – миндаль. Поездка ночью – кузнечики – огни в море – освещённые дачи» [10, т. 10, с. 376–377].

Пятница 29 июля, как видно из дневника, прошла в Ялте, в хлопотах и тревогах перед предстоящим в субботу 30 июля отъездом: «Купанье вечером. Какую-то бог даст завтра погоду?» [10, т. 10, с. 376–377].

Уезжали в Одессу в субботу 30 июля на пароходе «Император Александр II», с остановками в Севастополе и Евпатории. Во время плавания слушает рассказ капитана о бывшем командующем Черноморским флотом адмирале М. П. Лазареве: «Завтрак. Рассказ капитана о Лазареве» [10, т. 10, с. 377].

По старым справочникам удаётся установить фамилию капитана на пароходе «Император Александр II» – А. И. Грече [7, с. 220]. Александр Иванович Грече (1820–15.12.1900, Батуми), вице-адмирал с 1885 г.; сын контр-адмирала Ивана Ивановича Грече, участника Севастопольской обороны. 1 августа А. Н. Островский и А. Е. Мартынов прибыли в Одессу. «В Одессе – благополучно» [10, т. 10, с. 377], – записано в дневнике.

Выводы. Предложенный комментарий не является исчерпывающим, к тому же материал сформирован в соответствии с жанром статьи, что заставляло отказаться от включения ряда исторических, архивных и краеведческих подробностей, открывающих перспективы эмоционально-событийного «развёртывания» крымских заметок драматурга. Тем не менее убеждаемся, что географический комментарий (географическая «привязка») позволил уточнить упомянутые в заметках «горизонты видения» (с моря, с гор); это, в свою очередь, повлекло за собой уточнение хронологии событий и деталей исторического ряда, содержательно дополняя крымский дневниковый текст А. Н. Островского.

Список литературы

1. Государственный архив в Автономной республике Крым (ГААРК).
2. Крестьянников В. В., Галиченко А. А. Герой Крымской войны иеромонах Никандр / В. В. Крестьянников, А. А. Галиченко // Память о прошлом : [сб. науч. статей] ; [сост. В. В. Крестьянников]. – Севастополь : ЧП Арефьев, 2007. – С. 7–10.
3. Крымский Афон (Бахчисарайский Успенский монастырь в исторических описаниях). – Симферополь, 1995. – С. 16–22.
4. Крымский текст в русской культуре : [материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г.] / [под ред. Н. Букс, М. Н. Виролайнен]. – СПб., 2008. – 250 с.
5. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Ш. Монтандон ; [пер. с франц., сост., подгот. текста и вступ. ст. В. В. Орехова]. – К. : Издательский дом «Стилос», 2011. – 416 с.
6. Новороссийский календарь на 1859 год. – Одесса: В городской типографии, 1858. – С. 218–219.
7. Новороссийский календарь на 1860 високосный год. – Одесса : В городской типографии, 1859. – С. 220.
8. Обозрение Южного Берега Крыма // Новороссийский календарь на 1851 год. – Одесса : В городской типографии, 1850. – С. 13–27.
9. Орнатская Т. И. Дневник А. Н. Островского (Из поездки в Крым с А. Е. Мартыновым в 1860 году) / Т. И. Орнатская // Русская литература. – 1977. – №1. – С. 136–141.

10. Островский А. Н. Полн. собр. соч. : в 12 т. / [под общей ред. Г. И. Владыкина, И. В. Ильинского, В. Я. Лакшина и др.]. – М. : Искусство, 1973–1980. – Т. 10: Статьи, записки, речи, дневники, словарь / [подг. текста и коммент. Т. И. Орнатской]. – С. 374–378; Т. 11: Письма (1848–1880). – 782 с.

Орехова Л. О. Кримський текст О. М. Островського: за щоденником письменника / Л. О. Орехова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 4, ч. 2. – С. 134–142.

Об'єктом дослідження став кримський щоденник О. М. Островського, конспективний та надзвичайно короткий для проведеного у Криму часу (8 – 30 липня 1860 р.). У статті уточнюється датування кримських екскурсій О. М. Островського, аргументується логіка вибору маршрутів; на підставі історико-краєзнавчих матеріалів, а також документів Державного архіву в АРК пропонується реальний коментар до щоденника, що заповнює авторські купюри та відкриває перспективи емоційно-подійного «розгортання» кримського щоденникового тексту О. М. Островського.

Ключові слова: кримський текст, щоденник О. М. Островського, маршрути, датування, коментарі.

Orekhova L. A. A. N. Ostrovsky's Crimean text: by the writer's diary / L. A. Orekhova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 4, part 2. – P. 134–142.

The main object of the research is the Crimean short and concise diary of A. N. Ostrovsky (8 – 30 July, 1860). The article points out the dates of the Crimean excursions of A. N. Ostrovsky, it reasons the logic of the choice of the routes. Based on the local-history material and the papers of the State Archives of the ARC commentary to the diary is suggested. The commentary recompenses the author's cuts and reveals the perspectives of the emotional-event-trigger Crimean diary text expansion of A. N. Ostrovsky. Commentary, proposed in the article, is not exhaustive, besides, the material had formed according to genre and volume of publication; therefore we refused from incorporating a range of historical, archival and local-history details. Nevertheless, we see that the geographical comment entailed clarifying the chronology of events: in particular, was found that A. N. Ostrovsky and A. E. Martinov had arrived in Yalta on Saturday, July 9th, and not July 19th, as previously assumed; accordingly corrected dating of Ostrovsky's excursions. The article provides for the introduction of some amendments that connected with mistakes in transcript of manuscript diary. Documentary-historical information in article meaningful supplements the capsule text of A. N. Ostrovsky.

Key words: Crimean text, A. N. Ostrovsky's diary, routes, dates, comments.

Поступила в редакцію 13.10.2013 г.